

Последняя суббота Старшего Ангела

Старший Ангел опоздывал на похороны собственной матери. Он заметался в постели, сбитые простыни узлом стянули ноги. Поняв, что происходит, он тотчас взмок, струйки пота защекотали тело. Солнце высоко — ослепительно сияет даже сквозь сомкнутые веки. Пылающий розовый мир. Все будут на месте раньше, чем он. Нет. Не в этот раз. Не сегодня. Он силился встать.

Мексиканцы не совершают подобных ошибок, сказал он себе.

Каждое утро с тех пор, как узнал о своем диагнозе, он просыпался с одной мыслью. Она была его будильником. Как может человек, чье время истекло, исправить все, что натворил? Вот и этим утром, пробудившись к своим тревогам, проклятый светом, во всех смыслах проклятый временем, преданный собственным измученным телом, несмотря на иступленно возмущающийся разум, он вздрогнул от ужаса, увидев призрак отца, примостившийся рядом с ним на кровати.

Старик курил одну из его “Пэлл-Мэлл”.

— Тяжкий груз на твоих плечах, — сказал отец. — Пора подниматься и приниматься за дело.

Говорил он по-английски. Акцент стал помягче, но все равно “груз” он выговаривал как “хрус”.

— *Es mierda**.

Старик обратился в дым, спиралью поднялся к потолку и исчез.

— Следи за языком, — пробормотал Старший Ангел.

Моргнул. Он был живыми часами для всего семейства. Если он спал, все тоже спали. Могли продрыхнуть до полудня. Сын так и вообще до трех. Старший Ангел был слишком слаб, чтобы подскочить и разораться. Он пихнул жену в бок разок-другой, пока та не приподнялась, оглянулась на него через плечо, села в кровати.

— Мы опоздали, Флака**, — сказал он.

— Нет! — вскрикнула она. — *Ay Dios****.

— *Si*, — удовлетворенно констатировал он, радуясь, что на этот раз его очередь давать нагоняй.

Она скатилась с кровати и тут же развела панику. Их дочь Минни спала на диване в гостиной, специально осталась на ночь, чтоб не опоздать. Жена заорала, дочь свалилась на кофейный столик.

— Ма, — простонала она. — Ма!

Он прижал кулаки к глазам.

Женщины влетели в комнату, выхватили его из кровати, перенесли в ванную, чтобы он самостоятельно почистил зубы. Жена пригладила расческой жесткий ежик его волос. Пришлось усесться, чтоб помочь. Женщины отвернулись. Потом запихали его

* Дерьмово (исп.).

** *Flaco/Flaca* — тощий, тощая (исп.).

*** О господи (исп.).

в брюки и белую рубашку и пристроили на краешке кровати.

— Я опаздываю на мамыны похороны, — сообщил он мирозданию. — Я никогда не плачу, — возгласил он, глаза сурово блеснули.

— Папа вечно на посту, — фыркнула дочь.

— *Es tremendo**, — отозвалась ее мать.

Никакое психическое напряжение не могло заставить этот мир или его тело двигаться быстрее. Семья? А почему сегодня должно быть иначе? Хаос. В его доме все просыпались разом и начинали бессмысленно топтаться, как пьяные голуби в клетке. Шум, суета, а толку ноль. Время, время, время. Как засовы, задвигающиеся на двери.

Он никогда не опаздывал. До сегодняшнего дня. Он бесконечно воевал с общим семейным упованием на “время по-мексикански”. Они сводили его с ума. Если обед назначали на шесть, можно быть уверенным, что раньше девяти он не начнется. И еще заходить в дом будут так, словно пришли слишком рано. Или, хуже того, вытаращатся: “А что такого?” — будто это у него проблемы. Ну, знаете, типа настоящие мексиканцы обедать садятся не раньше десяти вечера.

*Que cabron***. Утро стекало густой коричневой жижей. Все глуше и глуше. Хотя звуки навязчиво звенели в ушах долгим эхом. Шум раздражал. Глубоко во тьме его плоти выли и причитали кости, белые и жгучие, как молнии.

— Пожалуйста, — взмолился он.

— Папа, — деловито распорядилась дочь, — заправь рубашку.

* Это потрясающе (исп.).

** Здесь: такое мудачье (исп.).

Рубашка болталась сзади, выбившись из брюк. Но руки туда не дотягивались. Он выпрямился, яростно зыркнул.

— Руки меня не слушаются. Раньше слушались, а сейчас нет. Заправь ты.

Дочери хотелось в ванную, уложить волосы. Но ее мать уже устроила там бардак, разбросав повсюду кисточки, заколки и косметику. Расчески устилали все поверхности, как листья, опавшие с пластикового дерева. Минни осточертела вся эта похоронная хрень. Ей почти сорок, а родители обращаются с ней как с шестнадцатилетней.

— Да, отец, — покорно сказала она.

Что за тон? Разве раньше она говорила таким тоном? Старший Ангел бросил взгляд на часы. На своего врага.

Мама, ты вообще не должна была умирать. Только не сейчас. Ты же знаешь, и без того все плохо. Но мать не отвечала. Чего и следовало ожидать, в этом вся она, подумал Ангел. Бойкот. Она так и не простила ему своих подозрений насчет прошлого, насчет его роли в том пожаре. И в той смерти. Он никому не рассказывал, никогда.

Да, я сделал это, думал он. И слышал, как его череп хрустнул. Он отвернулся, чтобы никто не заметил виноватого выражения на его лице. И я точно знал, что делаю. И был рад это сделать.

Воображение нарисовало мультяшную картинку: пробка из гробов и похоронных процессий. Шутись? Не смешно, Бог. Он им всем покажет — явится заранее на свои собственные *pinche** похороны.

— *Vamonos!*** — заорал он.

* Сраные (исп.).

** Да пойдёмте уже! (исп.)

В былые времена дом сотрясался от его крика.

На стене напротив, над зеркалом, висела куца галерея портретов его предков. Дед Дон Сегундо, в громадном революционном мексиканском сомбреро, — *я тебя боялся*. Позади него на фото Бабушка, совсем уже выцветшая. Справа от Сегундо мама и папа Старшего Ангела. Папа Антонио — *я оплакиваю тебя*. Мама Америка — *я хороню тебя*.

Дочь оставила попытки пролезть мимо матери и наклонилась поправить выбившийся у Ангела хвост рубашки.

— Не лапай меня за *nalgas**, — рыкнул он.

— Слушай, я в курсе! — огрызнулась она. — Лапать тощую задницу собственного папаши — прямо упоение, ага.

Оба натужно рассмеялись, и дочь протиснулась-таки в ванную.

Жена пулей вылетела оттуда, продолжая на ходу приминать волосы, бретелька комбинации сползла с плеча. Он любил ее ключицы и широкие лямки ее бюстгальтеров. С ума сходил от темных полосок кожи под этими лямками, плечи ее помнили вес молока, что вытянуло ее груди, налило их тяжестью. Багровые полоски на плечах — всегда казалось, что они саднят, но он без усталости целовал и вылизывал их, когда они еще занимались любовью. В штанах-то у него вяло, но глаза горят. Комбинация посверкивает в такт ее торопливым движениям, а он пристально наблюдает, как двигаются ее ягодицы под блестящей тканью.

Она вечно называла комбинацию “грация”. А он все собирался посмотреть в словаре, так как полагал,

* Ягодицы (исп.).